

Марышева Л.В.,
преподаватель предметно-цикловой комиссии
«Общеобразовательные, гуманитарные
и социально-экономические дисциплины» музыкального колледжа,
Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей

**Александр Твардовский – трагический герой русской литературы
(к 110-летию А.Т. Твардовского)**

*«Он был рассчитан на сто лет, а рухнул сразу»
В.А. Твардовская*

*«Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу»
А.Т. Твардовский*

Жизнь и творчество Твардовского – неотъемлемая часть истории и культуры России. Твардовский – великий поэт, чьим голосом в годину подвига и горя говорил народ. Он, как руководитель журнала в 60-е годы, держал на своих плечах советскую литературу. Ценою жизни привлек в литературу Солженицына, твердо его поддерживал. Боролся против цензуры, которую назвал пережиточным органом литературы [2, 184]. 1960-е навсегда вошли в историю русской литературы как десятилетие Твардовского.

Ключевые слова:

Твардовский,
поэт,
герой войны,
народная совесть,
цензура,
60-е годы,
свобода слова,
трагедия,
военные годы,
«Василий Теркин»,
«Новый мир».

В год 110-летия со дня рождения выдающегося русского, советского поэта XX века и 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, вопросы изучения жизни и творчества А.Т. Твардовского (1910–1971), вновь становятся актуальными среди молодого поколения.

Русская литература и публицистика внесла свой значимый вклад в историю с первого дня Великой Отечественной войны. Осмысление подвига советского солдата в этой войне отразилось на страницах военной и уже послевоенной периодики и литературы в произведениях А.Т. Твардовского,

К.М. Симонова, М.А. Шолохова, А.Н. Толстого, Ю.В. Бондарева, Б.Л. Васильева и др. Были написаны и стали классикой такие произведения, как роман «Они сражались за Родину» Михаила Александровича Шолохова (первая публикация – 1943 год), повесть «Сын полка» Валентина Петровича Катаева (1945 год) и, конечно же, поэма «Василий Теркин» Александра Трифоновича Твардовского (1942–1945 гг.).

В научных статьях П.С. Выходцева, В.М. Акаткина, А.И. Кондратовича, А.В. Македонова, В.Я. Лакшина, В.В. Ильина, Т.А. Снигиревой с разной степенью полноты освещены этапы творческого пути поэта. Из-за невнимания к эстетической природе его творчества практически выпали из поля зрения исследователей некоторые ранние произведения, написанные в 1925–1935 годах: первые прозаические опыты, отдельные лирические произведения, поэмы «Путь к социализму», «Вступление», «Мужичок горбатый». Между тем, именно в это десятилетие шло интенсивное формирование его как поэта. В этом смысле справедливым представляется высказывание С.Л. Страшнова, который писал о сборнике А.Т. Твардовского «Из ранних стихотворений»: «На протяжении всей творческой жизни он обнаруживал исключительную память и бережливость, постоянно возвращался не только к коренным своим темам и типам, но и к удачно апробированным некогда образам, оборотам, ритмам. Вот и в первых поэтических вещах нередко наталкиваешься на строчки, которые снова возникнут у него десять, пятнадцать и более лет спустя» [1, 300].

А.Т. Твардовский – трагический герой русской литературы. «Трагедия не там, где враг убивает врага или хороший человек случайно попадает под трамвай, а там, где свой убивает своего» [6, 239]. Где царя Лайя убивает его сын Эдип, где Моцарта убивает его друг Сальери, а Твардовского убивает та идеология, которой он был предан, служил и от лица которой выступал. «Журнал – тоже мое творчество», – сказал Твардовский [6, 239]. «Новый мир» Твардовского осуществил последнюю в СССР попытку совместить коммунистическую идеологию со свободой слова. Ее провал и гибель Твардовского избавили от иллюзий многих в СССР и во всем мире и подтолкнули к развалу всю коммунистическую систему [6, 231].

По мнению близко знавших его в зрелые годы, он безусловно верил в идеи социализма и глубоко страдал, когда видел их извращение, нарушение законности и справедливости. Его противостояние режиму сталинской и послесталинской диктатуры проявилось сразу после войны, когда начался неслыханный идеологический накал 1946–1953 гг.

В 1946 г. написано маленькое стихотворение, которое в зародыше содержит всю программу и гениальность «Нового мира» 60-х гг.

М. Исаковскому

Нет, мы многих счастливее
В нашем сборном ряду,
Пусть иные ретивее,
Громче дуют в дуду.

Слава – штука лукавая,
Нам не нужно ничьей.
Бог с ней – с бедною славою
Рифмачей-кумачей,

Усачей-лимузинщиков,
Потребительских душ,
Патриотов-алтынщиков
И новейших кликуш [14, 178].

Цели, по которым ведет огонь Твардовский, более или менее ясны. Скажем, рифмачи-кумачи – это Лебедев-Кумач и стихотворцы его стиля поведения. А вот кто такие усачи-лимузинщики? Усачом в народе, особенно в Москве, называли Сталина. Москвичи рассказывали о том, как он в машине в сопровождении охраны пронесется по городу на дачу; этот маршрут, до предела насыщенный агентами НКВД, называли военно-грузинской дорогой.

Твардовский боролся за социализм с человеческим лицом, а социализм обернулся к Твардовскому звериным оскалом. Хотя он получал Ленинскую и Государственные премии, а цензура запрещала его поэмы, его лирику, его журнал. 1960-е годы начались смертью лауреата Нобелевской премии Б.Л. Пастернака, затравленного до того, что заболел раком, от которого и умер в 1960 году. В середине десятилетия после освидетельствования в психиатрической больнице признан тунеядцем и сослан на Север будущий лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский; травля, через которую он прошел, предопределила его раннюю смерть. В 1968 г. советскими танками была раздавлена Пражская весна. Твардовский глубоко переживал этот акт агрессии против чешского народа, рванувшегося к свободе. 29 августа 1968 г. он написал:

Что делать мне с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом [13, 185].

А его недруги сказали: «Прежде чем вводить танки в Чехословакию, надо было ввести их в “Новый мир”» [4, 196]. И кончилось десятилетие необъявленным делом Твардовского, которое привело к гибели поэта: он умер от инсульта и рака, также затравленный партийной критикой в литературе, как за десятилетие до него Б.Л. Пастернак, – с болью говорит А.И. Кондратович [4, 235].

Русских поэтов бросали на растерзание чужеземной разъяренной толпе, убивали на дуэлях, вешали и расстреливали, ссылали и изгоняли из страны, гноили в каторге и концлагерях, они слепли и замерзали, их морили голодной смертью, доводили до самоубийства – до петли и пули. Им запрещали печататься при жизни и после смерти. Одной из самых изощренных форм

расправы над поэтом было публичное шельмование, надругательство над главным делом его жизни, травля его с улюлюканьем и издевательствами, со сворой специально натасканных псов [8, 400]. Вслед за Ахматовой, Пастернаком, Бродским подобное поношение выпало на долю Твардовского и свело его в могилу, при его могучем здоровье, в шестьдесят один год. Борьба шла не за социалистические идеалы, не за национальную самобытность. Шла извечная смертельная борьба потребительских душ, невежественных завистливых бездарностей, «патриотовалтынщиков», пробравшихся на зланные места, против великого творческого дара. Лжепатриоты, сделавшие из любви к Родине доходную профессию, истребляли главное достояние России – ее таланты. Твардовский сказал однажды, что писатели различаются не по западническому или почвенническому мировоззрению, не по приверженности тоталитаризму или демократии, а по тому, читали они «Капитанскую дочку» Пушкина или не читали. Сам он мог цитировать пушкинскую повесть наизусть целыми кусками, любил читать ее дочерям вслух и говорил, что она – учебник мастерства. Полушутя советовал начинающим писателям страницами переписывать ее наизусть, вдумываясь в каждое слово, в их отбор и порядок (свидетельство дочери В.А. Твардовской).

Александр Трифонович Твардовский родился 8 (21) июня 1910 г. на хуторе пустоши Столпово, который считался частью деревни Загорье Починковской волости Смоленской губернии (теперь это Починковский район Смоленской области). Он рано почувствовал и осознал свое призвание поэта и журналиста. Первые его стихи и корреспонденции были опубликованы в смоленских газетах, когда ему исполнилось 15 лет. 11 лет творческой жизни на Смоленщине были трудным периодом самостоятельного вхождения в жизнь, осознания Твардовским своего призвания поэта, мужания его высокого дара, формирования его личности. В это время ослабели его связи с семьей, из которой он вышел, и возникла его собственная семья. Иван Трифонович однажды вспомнил слова брата Александра: «В жизни нужно поступать решительно: жениться, впрячься и везти свой воз». «Везти свой воз» – любимый образ поэта, возникающий и в его стихах. Это был период ненасытного поглощения знаний, напряженной работы по приобщению к мировой и русской культуре. Это начало дружб на всю жизнь (М.В. Исаковский, А.В. Македонов, Е.М. Марьенков), начало гонений, смертельно опасных политических обвинений, гласных и тайных доносов, ожесточенной травли со стороны оголтелых демагогов, бездарных завистников, которые в 1937 г. подвели его вплотную к аресту, а в 1971 г. свели в могилу.

Твардовский рано женился и выбрал себе спутницу один раз и на всю жизнь. Выбрал жену необыкновенную, без преувеличения героическую женщину. О таких женщинах, которые не переводятся и никогда не переведутся на Руси, – их решительно формирует наша нелегкая жизнь, полная драматических поворотов, – написал Наум Коржавин:

...Столетье промчалось.
И снова, как в тот незапамятный год,
Коня на скаку остановит,

В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони – все скачут и скачут,
А избы горят и горят [5: 76].

Из воспоминаний близких их семье людей мы знаем, что Мария Илларионовна была прочной опорой мужу и в самые ранние смоленские годы, и до самого конца в московские десятилетия, и после смерти мужа твердо и умело отстаивала целостность его литературного наследия, публиковала важные его части.

19 марта 1931 г. семью, из которой вышел поэт, раскулачили: отняли дом и хозяйство, родителей и детей вывезли в качестве так называемых спецпереселенцев в Северное Зауралье. Через две недели усадьбу сровняли с землей [17, 67–73]. Узнав о беде, постигшей родных, Твардовский добился приема у секретаря Западного обкома ВКП(б) И.П. Румянцева (Смоленщина тогда входила в огромную Западную область), однако смягчить судьбу близких ему не удалось. Вскоре Румянцева самого постигла страшная участь: он был арестован как враг народа и погиб. С этого времени Твардовский стал особенно удобной мишенью для своих врагов. Например, в архиве ФСБ по Смоленской области есть такие показания, датированные 4 января 1938 г.: «Твардовский А.Г., личный друг А.В. Македонова, по происхождению из кулаков, отец раскулачен, он блокировался с группой А.В. Македонова. Твардовский пользовался явным покровительством врага народа бывшего секретаря Запобкома ВКП(б) Румянцева. Твардовский ходатайствовал перед Румянцевым о возвращении своего отца из ссылки» [8, 301].

Для Твардовского незаживающей травмой была невозможность на протяжении пяти лет помочь близким, клеймо сына «кулака, административно-высланного из пределов Западной области», которое с этого времени он носил, и тот факт, что даже по бесчеловечным правилам, установленным властями, семья его отца и он сам подверглись гонениям незаконно, так как семья его отца не могла считаться кулацкой. 10 июня 1954 г., в совсем другую эпоху, Твардовский обратился к первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву с доверительным письмом. Он заявлял: «Семью свою кулацкой и себя сыном кулака я никогда не считал и не считаю, потому что основным признаком кулацкого двора, как известно, является применение наемного труда, а в хозяйстве моего отца, крестьянина-кузнеца, наемный труд не применялся». Твардовский просил, чтобы в его учетной карточке члена КПСС, где значилось, что он сын кулака, запись о социальном положении родителей была изменена. Секретарь МГК КПСС Фурцева направила запрос в Смоленский обком партии. После обстоятельной проверки секретарь обкома Доронин ответил подробным письмом, вывод которого гласит: «Судя по материалам проверки, хозяйство Твардовского Т.Г. было не кулацким, а крепким середняцким хозяйством, удовлетворявшим личные потребности семьи». Несмотря на это, бюро Краснопресненского РК КПСС без всякой мотивировки приняло решение

Твардовскому «в просьбе об изменении записи в учетной карточке о социальном положении родителей после 1917 года отказать», а Фурцева, также без всякой мотивировки, добавила: «МГК КПСС считает, что вопрос решен правильно». У них были свои правила. Твардовского всячески официальная власть прославляла и в то же время едва его терпела. [3, 114–115].

В 1932 г. Твардовский поступил в Смоленский педагогический институт. С этого времени нападки его преследователей становятся особенно яростными. В 1936 г. Твардовский оставил институт «по собственному желанию». Дочь поэта В.А. Твардовская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института отечественной истории РАН, так пояснила этот шаг отца: «На решение повлияла, прежде всего, общая обстановка в Смоленске, где – как и повсюду – шла яростная борьба с “недобитым классовым врагом”, и Александр Трифонович в силу уже социального происхождения (по анкете) был уготован стать жертвой. А уж его поэзия, где *человеческое всегда преобладало над классовым*, по-своему подтверждала его “чужеродность” для “пролетарской” литературы» [18, 6].

В конце жизни, 22 марта 1964 г., возмущаясь травлей Иосифа Бродского, поэта, которого власти обвиняли в тунеядстве, Твардовский записал: «В молодости я длительный срок был таким “тунеядцем”, т.е. нигде не работал, мало, очень мало и случайно зарабатывал, и мучился тем, что “я не член союза” (профсоюза), я завидовал сверстникам (Осину, Плешкову, Фиксину) – членам союза и получавшим зарплату. Но я тянул и тянул эту стыдную и мучительную жизнь, как-то угадывая, что служба, работа в штате (ее, кстати, невозможно было получить) может подрубить все мои мечтания, и, в конце концов, выходит, что я был прав, идя на этот риск. А как я бросил с третьего курса Смоленский пединститут и за год “вольной жизни” написал “Страну Муравию”. Я никогда бы этого не сделал, не рискнув так решительно (много раз мне казалось, что ничего не выходит, бросить бы к черту, но бросить уже было нельзя, и так я дописал и “перешел в новое качество”» [13, 154].

Сначала во время советско-финляндской войны, а затем во время Великой Отечественной Твардовский работал военным корреспондентом и одновременно писал «Василия Теркина».

Поэма «Василий Теркин» стала одной из вершин творчества А.Т. Твардовского. Она стала одним из самых известных произведений о Великой Отечественной войне в русской литературе и самой любимой современниками, принадлежавших к самым разным социальным слоям – к выдающимся мастерам слова и солдатам, изысканным знатокам поэзии и государственным деятелям, крестьянам и ученым.

Сам автор свое огромное произведение, по размерам почти равное «Евгению Онегину», поэмой не называл. Он определил ее жанр так: «Книга про бойца». С детства, от отца, который был истовым деревенским книголюбом, поэт перенял уважительное, трепетное отношение к книге. Из воспоминаний брата, Ивана Трифоновича, в детстве мать, бывало, упрекала Александра, будущего великого поэта:

– Опять уткнулся в книгу!

Заглядывая в будущее, поэт написал о себе и своей главной КНИГЕ:

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой *книги про бойца* –
Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в *годину бед и гроз* [10, 176].

В «Книге про бойца» Твардовскому посчастливилось выразить стремления, мировоззрение народа, поднявшегося на смертный бой за само свое существование. Она написана с величайшим мастерством, но на первый взгляд этого мастерства словно бы и не видно: настолько непосредственно, естественно, нетрадиционно разговаривает с читателем поэт.

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...
Я доволен был бы, право,
И не гордый человек –
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек [10, 226].

В середине XX в., после переворота, произведенного в начале века модернизмом, разрушившим границу между поэмой и лирическим циклом, т.е. между эпосом и лирикой, а подчас и драмой, когда большая форма в поэзии выражала разорванное сознание потерявшего себя человека, поэт создал подлинный эпос в гегелевско-бахтинском смысле этого слова. Он не любил современную поэзию. Он прошел хорошую школу у А.В. Македонова, потом в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского), всю жизнь читал стихи и размышлял над ними; он знал цену О.Э. Мандельштаму, Б.Л. Пастернаку, М.И. Цветаевой, А.А. Ахматовой, И.А. Бродскому, ожесточенно боролся за освобождение поэзии из идеологического ГУЛАГа, но нет оснований говорить, что он любил творчество этих поэтов, и А.А. Блока, и В.В. Маяковского, и С.А. Есенина.

В рабочих тетрадях Твардовского есть такие строки: «Задумал написать письмо в ЦК о необходимости издать хоть небольшие однотомники поэтов, вкупе не причинивших столько вреда, сколько один Есенин, но принадлежащих нашей поэзии – Н.С. Гумилева, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака, может быть, В.Ф. Ходасевича» [12, 203]. Среди современников он любил трех поэтов: М.В. Исаковского, И.А. Бунина и С.Я. Маршака. В отношении к ним у него сплеталась воедино душевная любовь к их личностям и стихам. Твардовский был великий поэт, одна из поэтических вершин XX века, и он в одиночестве совершал и совершил свой поэтический подвиг.

«Василию Теркину» присуща монологичность авторского сознания: монологичность и мировоззрения, сказавшегося в книге, и мировоззрения адресата книги [2, 511]. В большой поэме есть единственный персонаж. Другие обрисованы выразительно, но бегло. Материалы, отражающие разные фазы работы над текстом, показывают, что сначала Твардовский насыщал его подробностями, географическими названиями, именами собственными, перипетиями, а потом последовательно устранял все, что не найдет отклика у всех, что нарушит цельность, монолитность произведения. Например, он исключил целый ряд эпизодов, целые главы, уже опубликованные, изображавшие приключения Василия Теркина на Смоленщине в тылу у немцев среди партизан. А в печати объяснил, что таким образом устранил элемент сюжетности во имя цельности восприятия книги [10, 511]. Твардовский лучше всего охарактеризовал свою необыкновенную книгу, сказав, что его герой вышел из *полуфольклорной среды и в нее ушел*. Какие точные слова!

В сентябре 1947 г. до Твардовского добрался отзыв о его «Василии Теркине» лауреата Нобелевской премии Бунина. Это представлялось чудом: Советский Союз, казалось, наглухо был отгорожен от Западной Европы. Особенно высокая стена отделяла писателей-эмигрантов от писателей в СССР. И вот сквозь все преграды прилетело авиапочтой в Москву из Парижа, из другого мира (!) маленькое заказное письмо, адресованное Буниным старому другу: «Я только что прочитал книгу А. Твардовского (“Василий Теркин”) и не могу удержаться – прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом, – это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова» [2, 637].

«Василий Теркин» печатался на протяжении войны по мере того, как Твардовский его писал, начиная с 1941 г. во многих газетах, журналах отдельными главами, в составе разных глав выходил небольшими книжками. Он сразу полюбился солдатам и офицерам фронтовикам. Твардовский знал, что мало кто из них может следить за публикациями, читать их все подряд в той последовательности, в какой они выходят в свет. По большей части в руки бойцов в перерывах между боями, на госпитальной койке, в тылу на переформировании случайно попадали разрозненные отрывки книги про бойца. Поэт знал, что многие его читатели никогда не прочтут конца, потому что просто не доживут до него, будут убиты.

Поэтому автор не выстраивает «Василия Теркина» как традиционное произведение, которое можно читать не торопясь, в охотку, неделями: с фабулой, т.е. с завязкой и развязкой, с последовательным неторопливым развитием действия по главам. Он начинает «с середины», с главы «На привале», и главой «В бане» свое повествование кончает.

Словом, книга про бойца
Без начала, без конца [10, 7].

Зато Твардовский писал так, чтобы каждая глава была относительно законченным целым со своей фабулой, со своим юмором и со своим пафосом, с военным бытом и неизбежной смертью, с началом и концом, чтобы не нужно было догадываться: что там было раньше? что будет потом? Сейчас трудно себе представить, сколько огорчений, а не только светлых минут принесла Твардовскому работа над книгой про бойца. Сколько нареканий из самых высоких сфер пришлось ему выслушать, сколько преград преодолеть на пути печатания «Теркина». Как и другие писатели, честно говорившие о войне и показывавшие, какой ценой народных страданий и смертей добывается победа, как Василий Гроссман с его романом «Народ бессмертен», как Виктор Некрасов с его романом «Сталинград»... Сегодня название романа Гроссмана мы читаем спокойно, а в 1942 г., когда он публиковался, писателю пришлось выслушать самые суровые попреки за это название и за мысль, которая за ним стоит: народ – защитник родины, а не высокопоставленные нахлебники во главе с самым высокопоставленным. Но ему не дали опубликовать книгу под таким названием. В ней, дескать, показана только окопная правда. Лейтенантская правда. Не показаны подлинные творцы побед – маршалы и генералиссимус. В письме, переданном жене с оказией, минуя военную цензуру, Твардовский с фронта пишет в апреле 1943 г.: «У нас больше всего печется начальство о том, что ему – читателю – можно, что нельзя» [15, 168]. Твардовский убежден, что в самый разгар войны, *солдат – главный герой войны* – литературе не нужен. Да, Василий Теркин, по мнению начальства, литературе противопоказан.

«Сейчас нужен герой-офицер, – пишет Твардовский жене с оказией, в обход цензуры, – желательно дворянского, по крайней мере интеллигентного, происхождения, в виде отклонения от нормы (что будет одновременно и допустимой смелостью) – религиозный, свято уважающий традиции военной семьи и т.п. Солдат сейчас не в моде» [15, 189]. Твардовский был убежден, что, если бы не поддержка фронтовиков, которые в массе писем выражали благодарность автору и требовали все новых и новых продолжений, его великий труд ему завершить и донести до народа не дали бы.

Противопоставляя «живую душу» «мертвому» духу «того света», отрицая его силой своего смеха, поэт был уверен в том, что его произведение «возбудит» «мертвецов» [14, 157]. Однако победа над злом, прочно укоренившимся в обществе, не была, на его взгляд, окончательной. Возвращая своего героя на войну, А.Т. Твардовский осознавал, что через несколько лет подобные ему солдаты столкнутся с тяжелой реальностью мирной жизни. Отсюда ощущение некоторого разочарования, которое преследовало его после написания поэмы.

Даже рядом с «Василием Теркиным» никогда не забудутся ни поэма «Дом у дороги», ни военная, ни послевоенная лирика Твардовского.

В год 110-летия со дня рождения А.Т. Твардовского, обращаясь к его творчеству, особенно радостно думать о том, что своим отношением к слову поэт по-прежнему нам близок. Где-то там, глубоко в почве, корнями, поэтическая и филологическая культуры крепко переплелись. Первые русские

поэты были замечательными филологами – Антиох Кантемир, Василий Третьяковский, Михаил Ломоносов, Александр Востоков. Не были учеными-филологами Пушкин, Брюсов, Блок, Гумилев, но оставили много тонких и точных мыслей о языке. Не был ученым и Твардовский, но кто из истинных филологов не принял близко к сердцу таких слов поэта?

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете,
Живых и мертвых, – знаю только я.
Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому –
Нельзя. Не скажет, – пусть себе он бог,
А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу [13, 392].

Твардовский долгое время практически не обращался к теме назначения поэта и поэзии, столь важной для всех стихотворцев. Александр Трифонович считал делом «наверняка мертвым» создание произведений, посвященных творчеству. Дневники и лирика Твардовского говорят нам о том, что он сильно завидовал простым людям – солдатам, печникам, пекарям. Собственная деятельность им не воспринималась как нечто возвышенное, необычное, требующее особенных рассуждений. Взгляды на предназначение поэта и поэзии Александр Трифонович начинает транслировать через стихотворения в середине пятидесятых годов. Они нашли отражение сразу в нескольких произведениях, среди которых «Собратьям по перу», «Ни ночи нету мне, ни дня...», «Моим критикам», «Не много надобно труда...». Упомянутой теме посвящено и стихотворение «Вся суть в одном-единственном завете...».

В стихотворении Твардовский утверждает необходимость свободного высказывания, причем не только литератора, но и любого человека. Поэт отстаивает неотъемлемое право человека на собственную точку зрения. Интересно, что мысли эти Александр Трифонович высказывает в период хрущевской «оттепели» – времени развенчания культа Сталина, эпохи, когда на деятелей искусства в Советском Союзе оказывалось наименьшее давление. Лирический герой стихотворения Твардовского уверен, что его жизненная позиция выстрадана, выношена. Он не собирается опираться на какие-то идеалы, не намерен принимать чье-то мнение слепо на веру. Не зря поэт упоминает Льва Толстого – величайшего русского писателя и нравственного ориентира для многих людей по всему миру.

«Вся суть в одном-единственном завете...» строится по принципу монолога, декларации, стиль выбран риторический. Для стихотворения характерны разного рода повторы. Шесть раз встречается местоимение «я». Иногда повтор используется не столь явно. Во втором четверостишии

Твардовский добивается усиления несколько другим способом:

Сказать то слово никому другому,
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить...

Тон, выбранный Александром Трифоновичем, не терпит сомнений. Высказанная им позиция, видимо, сформировалась давно и не подлежит пересмотру. Твардовский был поэтом по-настоящему народным. Люди не простили бы ему нечестности, замалчивания каких-то очень важных вещей, лицемерия, двуличия.

Герой напоминает оратора, который пытается высказать свое мнение, не боясь быть осмеянным. Он выражается простым и понятным языком. Его речь звучит твердо и убедительно. Герой признает, что уступает великому писателю, но уверен, что только он сам может выразить все то, что чувствует и знает, своими словами. Он понимает, что уступает другим талантливым писателям и поэтам, называя себя «лишь смертным», но считает свое творчество достойным уважения.

Терзания, пережитые поэтом на Смоленщине в 1925–1937 гг., стали определяющим, ключевым кругом тем для всего его творчества – от стихотворения 1933 г. «Братья» до поэм «Геркин на том свете», много лет бывшей под запретом, «За далью – даль» и отпочковавшейся от нее последней поэмы «По праву памяти», запрещенной цензурой в СССР и впервые опубликованной в 1969 г. во Франкфурте-на-Майне. Собственный трагический жизненный опыт поэта переплелся с трагедией народа, голосом которого стали его лирика, его поэмы, его «Новый мир». В поэме «По праву памяти» он писал и о своих близких, и о миллионах своих сограждан:

Вас не смутить в любой анкете
Зловещей некогда графой:
Кем был до вас еще на свете
Отец ваш, мертвый иль живой.

В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбирали, –
Ответ по-нынешнему прост.

Но в те года и пятилетки
Кому с графой не повезло, –
Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.

Чтоб со стыдом и мукой жгучей
Носить ее – закон таков.
Быть под рукой всегда – на случай
Нехватки классовых врагов [16, 373–374].

В этой последней поэме с неожиданной стороны возникает и старая тема отца-кулака, готовность ответить и за него:

Ответить – пусть не из науки,
Пусть не с того зайдя конца,
А только, может, вспомнить руки,
Какие были у отца.

В узлах из жил и сухожилий,
В мослах поскрюченных перстов –
Те, что – со вздохом – как чужие,
Садясь к столу, он клал на стол.

.....
Те руки, что своею волей –
Ни разогнуть, ни сжать в кулак:
Отдельных не было мозолей –
Сплошная. Подлинно – к у л а к! [16, 375].

Напомним, что в 1931 г., узнав о том, что семья отца раскулачена, Твардовский добился приема у секретаря Западного обкома партии Румянцева. «Он мне сказал (я очень хорошо помню эти слова), – вспоминал Твардовский в 1954 г., – что в жизни бывают такие моменты, когда нужно выбирать “между папой и мамой с одной стороны, и революцией – с другой”, что “лес рубят, щепки летят” <...>. И всю мою юность мне было привычно, хоть и горько, носить на себе печать этого несчастья, считаться “сыном кулака”» [3, 109]. Незадолго до смерти в своей последней поэме Твардовский снова вспомнил об этом ужасе:

А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.

Забудь, откуда вышел родом,
И осознай, не прекословь:
В ущерб любви к отцу народов –
Любая прочая любовь.

Ясна задача, дело свято, –
С тем – к высшей цели – прямоком.
Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком [16, 379].

За несколько месяцев до начала работы над поэмой «По праву памяти» А.Т. Твардовский писал: «Кажется, впервые за долгий срок почувствовал

приближение поэтической темы, того, что не сказано и что мне, а значит, и не только мне, нужно обязательно высказать. Это живая, необходимая мысль моей жизни». Поэма «По праву памяти» – исповедь, она во многом автобиографична и является итогом многолетних трудных размышлений автора. В первой главе поэмы («Перед отлетом») автор вспоминает свою юность с ее радужными надеждами, о друге, с которым они наивно мечтали и верили в будущее:

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать.
Не трусить.
Верным быть народу.
Любить родную землю-мать...

Не предполагали уверенные в себе оптимисты, что не только счастья следовало ждать от жизни. В этой главе возникает лишь предощущение суровой исторической реальности, трагических конфликтов эпохи. Эти конфликты во всей своей масштабности разворачиваются в главе «Сын за отца не отвечает». В этой главе выражена не только личная боль поэта – сына «врага народа». В этой главе поэт парадоксально поворачивает разными гранями знаменитую сталинскую формулировку «Сын за отца не отвечает». Она всегда интерпретировалась как некий спасательный круг, который сердобольный и справедливый вождь бросал несчастным изгоям, запятнанным родством с «врагами народа». Но поэт гордо отвергает такую подачку, он не собирается получать право на благополучие ценой предательства отца, ему представляется более резонным совершенно противоположный выбор:

А вдруг тот сын (а не сынок!).
Права такие получая,
И за отца ответить мог?

И в самом деле, он берется отвечать за своего отца, отвечать – в смысле защищать, заступаться. И сын отвечает тем, что отстаивает человеческое достоинство отца. И делает это художнически – он создает пластически зримый образ великого труженика-крестьянина. Вот, например, описание рук отца:

Те руки, что своею волей –
Ни разогнуть, ни сжать в кулак:
Отдельных не было мозолей –
Сплошная.
Подлинно – кулак!

Мысль об ответственности за отца органично ведет за собой мысль об ответственности за все, что происходит в стране, об общей вине. Теперь уже поэт не ищет никаких оправданий себе и всем, кто если и не участвовал в злодеяниях сталинского режима, то молчаливо присутствовал при них. Расплатой становятся неизбывные нравственные муки:

И длится суд десятилетий,

И не видать еще конца.

Этим тайным судом совести, считает А. Твардовский, судит себя каждый порядочный человек, переживший те времена.

Третья глава «О памяти» является итогом раздумий поэта о прожитой жизни, о сложной эпохе, выпавшей на долю. Главная мысль в ней — мысль об исторической памяти. Отказ от памяти, запрет на память — это отказ от ответственности, от покаяния и искупления вины. Поэт спорит с теми, кто считает более удобным не помнить о трагедиях прошлого.

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить
Живую былль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись. Быль – забыть!

Поэт готов в одиночку, против всех, отстаивать право на память, потому что, если не помнить прошлого, оно может повториться:

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу.

На долю А. Твардовского выпали трудные времена. Он *пережил и перестрадал* тридцатые и сороковые, послевоенные годы, время хрущевской «оттепели». Огромный и трудный мир открыл он читателю в своих поэтических произведениях. Поэма «По праву памяти» — исповедь поэта, в которой он излил все, что «жило, кипело, ныло в его душе» [15, 168–169].

Сегодня, в год 75-летия Великой Победы, самое время повторить за нашим жгуче честным Александром Трифоновичем:

Война – жесточе нету слова.
Война – печальней нету слова.
Война – святее нету слова.
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.

Литература

1. Творчество Александра Твардовского. Исследования и материалы / Под ред. П.С. Выходцева и Н.А. Грозновой. – Л.: Наука, 1989. – 384 с.
2. Бунин, И.А. Письмо Н.Д. Телешову от 10 сентября 1947 г. / И.А. Бунин // Литературное наследство. – М., 1973. – Т. 84: В 2 кн. Кн. 2. – 696 с.
3. Буртин, Ю. Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов / Ю. Буртин // Октябрь. 1990. № 8: История советской политической цензуры. – М., 1997.
4. Кондратович, А.И. Последний год (Из новомирского дневника) / А.И. Кондратович // Новый мир. – 1990. – № 2.
5. Коржавин, Н.М. Время дано / Н.М. Коржавин. – М., 1992.
6. Лакшин, В.Я. Твардовский в кругу писателей / В.Я. Лакшин // Собеседник. – М., 1982. – Вып. 3.
7. Лакшин, В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева / В.Я. Лакшин. – М., 1991.
8. Македонов, А.В. Эпоха Твардовского / А.В. Македонов. – Смоленск: Траст-Имаком, 1996. – 447 с.
9. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. / Н.А. Некрасов. – Л., 1982. – Т. 4.
10. Твардовский, А.Т. Василий Теркин [Текст]: книга про бойца / А.Т. Твардовский; сост. и авт. комм. к письмам М.И. Твардовская. – М.: Современник, 1976. – 694с.

11. Твардовский, А.Т. Из рабочих тетрадей / А.Т. Твардовский // Знамя. – 1989. – № 8.
12. Твардовский, А.Т. Из рабочих тетрадей / А.Т. Твардовский // Знамя. – 1989. – № 9.
13. Твардовский, А.Т. Из рабочих тетрадей / А.Т. Твардовский // Знамя. – 1990. – № 6.
14. Твардовский, А.Т. Из рабочих тетрадей / А.Т. Твардовский // Знамя. – 1990. – № 11.
15. Твардовский, А.Т. «Я в свою ходил атаку» / А.Т. Твардовский. – М., 2005.
16. Твардовский, А.Т. Стихотворения и поэмы / А.Т. Твардовский. – М., 2007.
17. Твардовский, И.Т. Родина и чужбина / А.Т. Твардовский. – Смоленск, 1996.
18. Твардовская, В.А. Письмо к автору статьи от 25 мая 1995 г.
19. Архив адресата.

Marysheva L.V.,
teacher of the subject-cycle commission
«General education, humanities
and socio-economic disciplines» of the music college,
Orenburg State Institute of Art
named after L. and M. Rostropovich

Alexander Tvardovsky is a tragic hero of Russian literature (to the 110th anniversary of A.T. Tvardovsky)

*«It was designed for a hundred years, but collapsed immediately»
V.A. Tvardovskaya*

*«I care about one thing during my life:
What I know best in the world,
I want to tell you. And the way I want»
A.T. Tvardovsky*

The life and work of Tvardovsky is an integral part of the history and culture of Russia. Tvardovsky is a great poet, whose voice the people spoke in a time of heroism and grief. He, as the head of the magazine in the 60s, held Soviet literature on his shoulders. At the cost of his life he attracted Solzhenitsyn to literature and firmly supported him. He fought against censorship, which he called a surviving organ of literature [2, 184]. The 1960s forever entered the history of Russian literature as Tvardovsky's decade.

Key words:

Tvardovsky,
poet,
war hero,
popular conscience,
censorship,
60s,
freedom of speech,
tragedy,
war years,
«Vasily Terkin»,
«New World».

References

1. Creativity of Alexander Tvardovsky. Research and materials / Ed. P.S. Vykhodtsev and N.A. Groznova. – L.: Nauka,

1989. – 384 p.

2. Bunin, I.A. Letter to N. D. Teleshov from September 10, 1947 / I.A. Bunin // Literary heritage. – M., 1973. – T. 84: In 2 b. Book. 2. – 696 p.
3. Burtin, Y. From the history of the social and literary struggle of the 60s / Y. Burtin // October. 1990. – № 8: History of Soviet political censorship. – M., 1997.
4. Kondratovich, A.I. The last year (From the Noviy Mir diary) / A.I. Kondratovich // New World. – 1990. – № 2.
5. Korzhavin, N.M. Time is given / N.M. Korzhavin. – M., 1992.
6. Lakshin, V.Y. Tvardovsky in the circle of writers / V.Y. Lakshin // Interlocutor. – Edition 3. – M., 1982.
7. Lakshin, V.Y. «New World» at the time of Khrushchev / V.Y. Lakshin. – M., 1991.
8. Makedonov, A.V. The era of Tvardovsky / A.V. Makedonov. – Smolensk: Trust-Imakom, 1996. – 447 p.
9. Nekrasov, N.A. Full collection op. and letters: In 15 t. / N.A. Nekrasov. – L., 1982. – T. 4.
10. Tvardovsky, A.T. Vasily Terkin [Text]: a book about a soldier / A.T. Tvardovsky; comp. and ed. com. to the letters of M.I. Tvardovskaya. – M.: Contemporary, 1976. – 694s.
11. Tvardovsky, A.T. From workbooks / A.T. Tvardovsky // Flag. – 1989. – № 8.
12. Tvardovsky, A.T. From workbooks / A.T. Tvardovsky // Flag. – 1989. – № 9.
13. Tvardovsky, A.T. From workbooks / A.T. Tvardovsky // Flag. – 1990. – № 6.
14. Tvardovsky, A.T. From workbooks / A.T. Tvardovsky // Flag. – 1990. – № 11.
15. Tvardovsky, A.T. «I went to my attack» / A.T. Tvardovsky. – M., 2005.
16. Tvardovsky, A.T. Verses and poems / A.T. Tvardovsky. – M., 2007.
17. Tvardovsky, I.T. Homeland and foreign land / I.T. Tvardovsky. – Smolensk, 1996.
18. Tvardovskaya, V.A. Letter to the author of the article dated May 25, 1995.
19. Destination archive.

Иллюстрации

Иллюстрация №1 – Ф.Т. Твардовский

Иллюстрация №2 – А.Т. Твардовский, фото №1

Иллюстрация №3 – Василий Теркин

Иллюстрация №4 – А.Т. Твардовский, фото №2

Иллюстрация №5 – А.Т. Твардовский, фото №3

Иллюстрация №6 – Василий Теркин, стихотворения